

ГАРМОНИЯ ЗАГНИВАЮЩЕГО СЕРАЦА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ВЛАДИСЛАВ АНАШИН

18+

Владислав Андин

Гармония загнивающего сердца

<https://litres.ru/74402757>

SelfPub; 2026

Аннотация

Где заканчивается гениальность и начинается истинное безумие?

Доктор Элиас Торн - опытный психотерапевт с многолетним стажем. Он привык препарировать чужие страхи и раскладывать симптомы по методическим блокнотам. Но когда его близкий друг, затворник и гениальный композитор Джеймс Мейер, погибает в собственном особняке при загадочных обстоятельствах, отлаженный мир Торна дает трещину. На лице покойного застыла маска первобытного ужаса, а в его кабинете доктор находит записку - бессвязный, пугающий крик о помощи, обрывающийся на влажном буром пятне.

Спрятав главную улику от полиции, Торн начинает собственное расследование и совершает роковую ошибку. Чужой кошмар, описанный на вырванном листе, становится осязаемым: в затылке доктора начинает пульсировать чужой, зловещий сердечный ритм, воздух пропитывается невыносимым запахом гнилого мёда и разлагающейся плоти, а собственное отражение в зеркале перестает ему подчиняться.

Содержание

***	4
1	5
2	16
3	23
4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владислав Андин

Гармония

загнивающего сердца

«Мы живем на тихом островке невежества посреди черных морей бесконечности, и нам вовсе не следует плавать вдали от берега».

*Говард Филлипс Лавкрафт
(Из рассказа «Зов Ктулху»)*

1

Лист бумаги был вырван из библиотечного фолианта, и его край еще хранил следы древнего клея и пыли. Но текст, нацарапанный карандашом, который сломался от силы нажима, не имел ничего общего с мудростью веков. Это был крик, застывший в следах от грифеля.

Вот, что там было:

«С меня хватит. Я больше этого не вынесу. Неутихающий шум въедается, как клещ в плоть. Он не снаружи. Он у меня в черепе, за глазницами, он скребет по костям изнутри. Он пахнет гнилым мёдом. Запах идет из стен, когда я прижимаюсь к ним ухом, чтобы проверить, не схожу ли я с ума. Вместо тишины - влажное дыхание. Оно обволакивает слух, как жирная слизь, которая закупорила меня изнутри.

Страх сводит с ума. Удушливый. Липкий, как паутина, которой опутаны мои легкие. Каждый вдох - это затхлость подвала, где что-то сгнило, но продолжает двигаться. Мои руки трясутся сильнее, в них только пульсирующая боль, словно мои ногти врастают обратно в мясо, сворачиваясь улиткой.

Я закрыл глаза, но шум стал еще громче. Этот шум похож на шелест тысяч лапок ядовитых пауков по внутренней стороне моей сетчатки. Писк. Скрежет. Он говорит со

мной. Я боюсь смотреть в зеркала, потому что в прошлый раз мое отражение улыбалось на полсекунды позже меня. Я искажался. Это был не я вовсе.

Оно знает. Оно всегда знало, что мы не одни в этой шкуре. Сейчас шум превращается в более отчетливый голос. Низкий, рокочуший, как движение плит под землей. Он называет меня по имени. Оно врастает в меня, как паразит, гной забивает мои сосуды, я чувствую, как моя спина начинает покрываться нарывами!

Мне нужно выбраться. Я хочу, чтобы оно ушло. Я пишу это, потому что голос сказал, что я забуду. Что моя рука перестанет быть моей, как только я поставлю последнюю точку. Я слышу, как за дверью ходит что-то тяжелое. Оно оставляет за собой след на полу, словно гигантский слизень. Оно ищет щель. Оно знает, что я здесь, в клетке из собственных ребер.

Если вы читаете это, прошу, умоляю, я не хотел этого. Уничтожьте все. И, ради всего святого, не слушайте его. Это ложь. Это мерзость. Это...»

Здесь текст обрывался. Не потому, что кончилось место, и не потому, что автор решил поставить многоточие. Строка просто переставала существовать, как будто карандаш провалился в пустоту. Но на последних миллиметрах бумаги, там, где должно было быть продолжение текста, виднелось свежее, еще влажное пятно. Оно не было чернильным. Оно

было бурым, вязким и имело странный, металлически-сладкий запах, который, казалось, двигался по волокнам листа, пульсируя в такт невидимому сердцу.

Глядя на эту записку, доктор Элиас Торн понял, что в его руках не предсмертная воля. Он держит готовый рецепт собственного безумия. И шум, описанный в записке, только что начал звучать у него в затылке - тихо, навязчиво, как нарастающий сигнал тревоги, искаженный и замедленный в десятки раз.

Кабинет, где нашли тело, располагался на втором этаже особняка Мейерсхилл, и доктор Торн не узнавал его, как прежде. Воздух здесь был тягучим, как патока, смешанная с формальдегидом. Стены были покрыты тёмно-зелёными пятнами, и казалось, что они дышали, впитывая свет от единственной настольной лампы с абажуром из мутного стекла, превращая его в желтоватую сукровицу. Книжные шкафы от пола до потолка ломились от фолиантов в кожаных переплётах, но корешки многих были стёрты до безымянности, словно их постоянно трогали влажными, судорожными пальцами. Они, как и стены, были окутаны пятнами тёмно-зелёного налета.

Письменный стол из чёрного дуба занимал центр комнаты, и на нём всё ещё сохранился беспорядок предсмертной агонии Джеймса. Чернильница была опрокинута, но вместо чернил из неё вытекла густая, тёмная субстанция, которая

уже начала застывать, образуя корку, похожую на запёкшуюся кровь с примесью чего-то ещё, что не считывалось с первого взгляда. Бумаги были разбросаны хаотично, словно покойный пытался очистить одним резким движением весь стол. Среди этого хаоса одиноко стояло пустое кресло с высокой спинкой, обитой выцветшим бархатом. На сиденье осталась глубокая вмятина от тела, в прошлом сидевшего здесь тысячи раз.

Труп уже увезли. Элиас был первым, кто обнаружил его.

Но его контур всё ещё читался в воздухе, словно негатив фотографии. Торн провёл пальцем по краю стола и наткнулся на засохшую, словно покрытую пленкой каплю. Он поднёс палец к носу. Запах был сладковато-гнилостным, с металлическим нотами. Точно такой же исходил и от записки, которую он секундами ранее сунул во внутренний карман пиджака. Он нащупал листок пальцами, проверяя, на месте ли тот. Бумага казалась тёплой. Излишне тёплой для этого мёртвого дома.

- Доктор Торн? - раздался голос из коридора. Молодой полицейский с бледным лицом заглянул в проём. - Прошу спуститься вниз. Нужно опечатать помещение.

Элиас вышел из кабинета и направился к лестнице. Особенно провожал его тишиной, слишком плотной, слишком осязаемой. Паркет под ногами скрипел, но скрип этот был

неестественным - не деревянным, а каким-то хрящеватым, будто он наступал на суставы гигантского скелета. Люстры с хрустальными подвесками не сверкали. Они тускло мерцали, и в каждой гранёной капле отражался не свет, а какая-то серая, тягучая тина, которая двигалась в собственном ритме независимо от его шагов.

На стенах висели портреты. Лица на них были стёрты временем или намеренно замазаны краской. Все было покрыто теми же тёмно-зелёными пятнами, как и в кабинете.

Торн спустился на первый этаж. Прихожая была огромной, с мраморным полом, на котором трещины складывались в причудливые узоры, напоминающие вены. В воздухе витал запах сырости и старой бумаги, но к нему примешивалось что-то ещё - животное, тёплое, как дыхание спящего дикого зверя. Он почти физически ощущал, как это дыхание касается его шеи, когда он проходил мимо массивной дубовой двери, ведущей в подвал. Она была приоткрыта.

Элиас замер. Он точно помнил, что, когда он осматривал дом в поисках Джеймса, эта дверь была закрыта. Но сейчас между косяком и полом зиял чёрный проём. Оттуда тянуло духотой, которая не имела ничего общего с температурой в доме, и запах, поглотивший весь особняк, концентрировался именно здесь.

Он услышал звук. Тихий, влажный. Словно что-то большое, мокрое и очень мягкое перекатилось по каменному полу. Или, может быть, это был вздох. Или хриплый голос за-

душенного существа.

Логика кричала ему: *«Закрой дверь! Позови полицейских!»*. Но ноги не слушались. Его взгляд прилип к темноте лестницы, которая едва освещалась легким светом из коридора, где находился Торн. На первой же ступени, очертания которой еще можно было рассмотреть, он заметил влажный след. Что-то волочилось. Неизведанное, липкое, оставляющее после себя блестящую дорожку, которая исчезала во мраке.

Словно загипнотизированный, Торн сделал пару шагов вниз по ступеням. Его дыхание стало прерывистым, нервным, как будто он и вовсе не мог сделать глубокий вдох. Шум в затылке, который он услышал, читая записку, стал громче. Он превратился в низкий, вибрирующий гул, который резонировал с его позвонками. И в этом гуле Торн вдруг отчётливо различил ритм. Не музыкальный. Сердечный. Только этот пульс был не его.

Он отшатнулся, врезавшись плечом в стену узкого проема. Резкая боль вернула ему контроль. Схватившись за край перил, он мигом покинул подвал, захлопнув за собой громоздкую дверь. Элиас пошел к выходу из дома и дрожащими пальцами нашарил ручку.

Свежий воздух ударил в лицо, как пощёчина. Ночь была ясной, с луной, которая висела над особняком, словно больной глаз, затянутый бельмом. Торн спустился по каменным

ступеням крыльца, почти не чувствуя земли под ногами. Его «Де Сото» (de soto 1961) стоял на гравийной дорожке, покрытый тонким слоем утренней росы, хотя до рассвета было ещё далеко.

Он захлопнул дверцу автомобиля с такой силой, что стекло жалобно звякнуло в раме. На мгновение ему показалось, что этот звук вырвал его из транса, но транса не было. Был только запах. Он проник в салон раньше, чем Элиас успел вставить ключ в замок зажигания, впитался в обивку сидений, в его одежду, в поры его кожи. Запах особняка Мейерсхилл.

Сначала это была просто плесень. Торн знал этот запах - старые книги, сырой подвал, известка, впитывающая влагу десятилетий. Он был терпимым, почти привычным. Но за ним, словно гнилой привкус, тянулось нечто другое. Лекарства. Не аптечные, нет. А те, что пахнут не чистотой, а болезнью. Камфора, смешанная с йодом и чем-то сладковато-приторным, напоминающим старое, прокисшее молоко, в котором растворили мед. Этот запах обволакивал язык, оседал на нёбе липким налётом, и Торн непроизвольно сглотнул, чувствуя, как стенки горла смыкаются, будто пытаясь вытолкнуть обратно глоток воздуха.

Но хуже всего был остаточный запах, который тянулся мерзким послевкусием. Он уловил его только сейчас, когда двигатель ещё не был заведён. Запах исходил от его соб-

ственного пиджака - из внутреннего кармана, где лежала записка. Элиас опустил взгляд и увидел, как ткань вокруг кармана потемнела, словно её пропитали маслом. Он осторожно, двумя пальцами, приподнял край пиджака и замер.

Это был запах, который невозможно было описать медицинскими терминами. Он пах мясом. Но не свежим, не варёным - тем, что лежит слишком долго в тёплом, влажном месте, где бактерии уже начали свою работу, но процесс остановился на полпути, превратив плоть в нечто среднее между гнилью и ферментацией. В нём было что-то от старого бинта, содранного с долго не заживающей раны, и что-то от внутренностей - тёплых, влажных, ещё помнящих ток крови. Торн почувствовал, как его собственный желудок сжался в тугой комок, и к горлу подкатила волна тошноты. Он резко откинулся на спинку сиденья и тут же вскрикнул - не от страха, а от боли. Она пришла изнутри, из глубины грудной клетки, как будто кто-то сжал его сердце невидимой, но сильной ладонью. Боль была острой, ломящей, иррадиирующий под левую лопатку - классическая картина стенокардии, но с одной особенностью. Она пульсировала. В такт тому самому ритму, который он слышал в подвале. Каждый удар сердца отзывался не эхом, а ответным толчком откуда-то извне, будто два сердца бились в унисон - его собственное и то, что осталось там, в темноте за приоткрытой дверью.

Торн судорожно расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, пытаясь вдохнуть глубже, но лёгкие отказывались расправ-

ляться. Каждый вдох сопровождался влажным хрипом, и ему казалось, что воздух в салоне стал гуще, тяжелее - его приходилось проталкивать через лёгкие, как жидкое тесто через сито. Боль не утихала. Она смещалась, перетекая из сердца в лёгкие. Он представил свои бронхи - розовые, влажные трубки, - и в этом воображении они вдруг покрылись тонким слоем сероватого налёта, как те стены в подвале.

Запах усилился. Теперь он шёл уже не только из кармана - он шёл из него самого. Из пор, из выдоха, из слёз, которые выступили на его глазах и были не солёными, а словно маслянистыми, густыми. Торн поднёс ладонь к лицу и увидел, что его пальцы дрожат, а кожа на них покрылась мурашками, которые не были реакцией на холод. Каждая волосинка на руке стояла дыбом, и под ней, на самой поверхности кожи, проступала тонкая сеть тёмных прожилок, прямо как те трещины на мраморном полу в прихожей.

- Это просто нервы, - прошептал он хрипло, но голос прозвучал чужим, как будто говорил не он, а кто-то, сидящий у него в груди.

Он зажмурился, сжал руль до побелевших костяшек и попытался дышать по методике, которой учил своих пациентов - медленно, вдох до четырёх, выдох до восьми.

Но на третьем вдохе он понял, что не может отделить свой ритм от того, что звучал в затылке. Они слились. И вместе с этим слиянием в груди разлилась новая волна боли - тупая, ноющая, расплзающаяся, как масляное пятно по воде. На

этот раз она была не сердечной. Она была костной. Ему казалось, что его рёбра начинают медленно расходиться в стороны, освобождая место для чего-то, что хочет выйти наружу.

И в этот момент запах записки достиг своего апогея. Он стал почти осязаемым - липким, тёплым, живым. Торн почувствовал его на губах, на внутренней стороне век, и понял, что этот запах теперь везде. Он вшит в ткань его памяти. Он будет преследовать его даже во сне.

Достав из кармана платок и сделав, насколько было возможно, глубокий вдох, Элиас извергнул из себя сгусток мокроты с вкраплением крови.

Вдруг все затихло. Запах стал менее интенсивным, а боль смягчилась.

Торн поднял глаза на особняк. Мейерсхилл стоял на холме - чёрный силуэт на фоне тёмно-синего неба. Его окна были чёрными, но в одном из них - на втором этаже, в кабинете - он увидел слабое, мерцающее свечение. Словно кто-то зажёл спичку. Или, может быть, это просто луна отразилась в стекле.

Полицейские уже опечатали входную дверь особняка и заводили мотор служебного автомобиля. Значит, в доме кто-то остался? Или же это просто галлюцинации?

Когда Элиас выезжал на главную дорогу, ему показалось, что в зеркале заднего вида мелькнуло движение у двери особняка. Фигура. Высокая, тощая, с неестественно длинными руками, которые свисали почти до земли. Она стояла на пороге, и её голова была слегка наклонена, как у существа, прислушивающегося к чему-то далёкому.

Торн нажал на газ. Машина рванула вперёд, оставляя особняк в облаке пыли от гравия. Но когда он проехал поворот, он понял, что звук, который он слышал из подвала, всё ещё пульсирует у него в висках. Он стал тише, но не исчез. Он проник в его сознание.

Закусочная называлась «Неоновый рассвет» и располагалась на перекрёстке двух пустынных шоссе. Круглосуточный оазис яркого света среди чёрной, безликой ночи.

Торн затормозил у парковки почти на автомате, даже не помня, как принял это решение. Руки сами повернули руль, когда боль в груди стала невыносимой, а запах в салоне достиг той концентрации, при которой каждое дыхание казалось глотком стоячей воды из затопленного склепа.

Элиас вышел из машины, и холодный ветер ударил в лицо, но он почти не почувствовал его. Внутри всё ещё горело, пульсировало, и каждый шаг по асфальту отдавался глухим эхом в позвоночнике.

Стеклянная дверь закуской распахнулась с мелодичным звоном колокольчика - слишком весёлым, слишком обыденным для того, что он только что пережил.

Внутри было светло. Даже слишком светло. Люминесцентные лампы под потолком заливали пространство холодным, хирургическим светом, от которого лицо становилось бледным, а тени - неестественно короткими и резкими. Пол был выложен чёрно-белой плиткой в шахматном порядке, и Торн на мгновение задержался на пороге, глядя на этот геометрический узор, который почему-то напомнил ему пчели-

ные соты.

В зале было почти пусто. У стойки, обитой красным вином с хромированными кантами, стояла официантка. Молодая, лет двадцати пяти, с пепельными волосами, собранными в небрежный пучок, из которого выбивались тонкие пряди. На ней была униформа - белый передник поверх простого чёрного платья, нагрудный значок с именем «Джули» был немного наклонён. У девушки были большие голубые глаза и родинка над левой бровью, и, когда она улыбнулась Торну, он заметил, что улыбка её была слишком автоматической - отработанной, как у куклы на витрине. Но за этой автоматичностью не было пустоты. Было что-то настороженное. Как у человека, который привык видеть странных посетителей в час, когда нормальные люди спят.

- Проходите, присаживайтесь, - сказала она, кивая на свободный столик у дальней стены. - Кофе?

- Да, - выдавил Элиас. - Только кофе. Чёрный.

Он сел на мягкое сиденье винилового диванчика, и пружины под ним жалобно скрипнули. Стол был из ламинированного пластика с рисунком под мрамор, на нём стояла маленькая металлическая сахарница и салфетница из нержавеющей стали. Всё было будто стерильным, вытертым до блеска, но на контрасте откуда-то из кухни доносился запах старого фритюрного масла - резкий, прогорклый, смешанный с дешёвым моющим средством.

Торн поморщился. Этот запах был навязчивым, но всё же

земным. Он предпочёл бы его тому, что пропитал его одеждой.

За столиком у окна сидел мужчина в помятой клетчатой рубашке и рабочей куртке с эмблемой автосервиса. Ему было около пятидесяти. Он пил что-то тёмное из высокой кружки и то и дело нервно смотрел на свои наручные часы, как человек, ждущий звонка или автобуса. Его лицо было отрешенным, с мешками под глазами, когда-то темные волосы проредила светлая седина.

За средним столиком, прямо в центре зала, сидели четверо молодых людей - две девушки и два парня. Им было лет по двадцать, не больше. Выглядели они ярко, будто с вызовом: первая девушка, та, что с короткими черными волосами, была одета в кожаную куртку с заклёпками, вторая - в вязаный свитер оранжевого цвета и джинсы с высоким поясом. Парни казались более расслабленными - черные футболки, поверх кожаные куртки, черные штаны и туфли. Они смеялись над чем-то, и их смех был громким, свободным, неуместным в этой пустоте. Девушки переглядывались, улыбались, и одна из них ковыряла соломинкой в своём молочном коктейле, оставляя на столе маленькие сладкие лужицы.

Никто из них не обратил на Торна особого внимания. Мужчина у окна даже не шевельнулся. Он вообще ни на что не обращал внимания, кроме своих часов. Молодёжь мельком глянула на нового посетителя и сразу же вернулась к своему разговору.

Официантка налила кофе за стойкой, и пар от свеже-сваренного напитка поднялся вверх, смешиваясь с запахом фритюра.

Элиас медленно, как во сне, достал из своей старой кожаной сумки блокнот. Он не помнил, зачем взял его с собой. Просто привычка.

Блокнот был потрёпанным, с пометками на полях, с засохшими чернильными пятнами от старых записей. Он раскрыл его на чистой странице, и ручка, которую он вытащил из внутреннего отделения, дрожала в его пальцах, оставляя на бумаге нервные зигзаги.

Он начал писать. Он пытался зафиксировать пульс в запястье, сосредоточиться на ручке и листке бумаги, а не на боли, которая всё ещё пульсировала под рёбрами, но благо не так ярко, как раньше. Зафиксировать и уничтожить, как чернила уничтожают девственно белые листки в его записной книжке.

«Тот, кто идет не в ногу, слышит другой барабан. Тот, кто идет не в ногу, слышит другой барабан. Тот, кто идет не в ногу, слышит другой барабан...»

Торн сосредоточился только на этой фразе, которую он вычитал из недавно выпущенной книги *«One Flew Over the Cuckoo's Nest»* Кена Кизи. Вновь и вновь записывая эту цитату, он пытался избавиться от боли. Буквы выходили кривы-

ми, строчки съезжали вниз, и Торн понял, что его рука почти не слушается. Пальцы сжимались в спазмах, как у старика с артритом.

- Ваш кофе, сэр.

Голос официантки вырвал его из транса. Она поставила перед ним чашку - белую, с едва заметной трещиной по краю. Торн поднял глаза на Джули, и в этот момент внутри него что-то дрогнуло.

Она стояла рядом с ним, наклонившись чуть вперёд, и её волосы пахли шампунем с цветочными нотами, чисто, свежо, как у обычного человека. И она не морщилась. Она не отводила взгляд. Она вообще не делала ничего, что выдавало бы присутствие того мерзко сладковатого запаха.

Элиас медленно повернул голову к мужчине у окна. Тот, наконец, посмотрел в его сторону, и в его взгляде читалось лишь обычное секундное любопытство одного ночного посетителя к другому. Ни отвращения. Ни тревоги. Просто усталое, монотонное скольжение глаз.

Молодёжь за средним столиком всё так же смеялась. Одна из девушек поднесла салфетку к губам, чтобы не поперхнуться, и в этом движении не было ничего, кроме беззаботности.

Никто. Никто из них не чувствовал этого.

Торн поднёс свою левую руку к лицу, понюхал запястье. Сам он пах плесенью, лекарствами и чем-то ещё - мясным, сладковатым, трупным. Запах был отчётливым, сильным, он

бил в нос, как пощёчина. И всё же те четверо, мужчина и официантка, находились буквально в двух шагах от него и не проявляли ни малейших признаков того, что улавливают хоть что-то.

Значит, это было не снаружи. Запах был внутри него.

Торн уставился на свою чашку с кофе, и пар от неё поднимался к его лицу, но даже сквозь запах свежего напитка он всё равно чувствовал ту самую гнилую сладость, которая проникла в его лёгкие и теперь циркулировала в его крови. Он поднёс чашку к губам, сделал глоток, и горький вкус обжёг язык. Этот вкус тоже не смог перебить привкус металла и старого мёда, который осел у него на нёбе.

Он опустил взгляд на блокнот. На странице, где он только что писал, как ему казалось, строго по линии фразу *«Тот, кто идет не в ногу, слышит другой барабан»*, виднелись только сливавшиеся воедино слова из этой фразы. Слова были неразборчивы, они были разных размеров и заходили друг на друга. Элиас замер, глядя на лист. Сердце пропустило удар. И в тот же момент шум в его затылке, который почти затих во время его пути, вернулся - сильный, пульсирующий, многоголосый. Но теперь он звучал не изнутри. Он звучал отовсюду - из динамиков над головой, которые молчали, из гудения холодильника на кухне, из шума проезжающих машин за окном. Он звучал так, как будто весь мир вокруг него был натянут на одну струну, и кто-то огромный, слепой и голодный провёл по ней пальцем.

Элиас поднял глаза и встретился взглядом с официанткой, которая стояла у стойки, протирая только что помытую посуду от капель воды. И в этот момент он понял, что она не шевелится. Она замерла, как статуя, с чашкой в руке, и её голова была слегка наклонена - точно так же, как у той фигуры на пороге особняка.

- Джули? - позвал он хрипло.

Она не ответила. Но он услышал её голос. Только шёл он не из её рта. Он шёл из его собственной памяти, из той записки, которую он спрятал в пиджаке.

- Слышишь? - прошептал этот голос. - Теперь ты один из нас.

Торн резко встал, опрокинув чашку. Кофе разлился по столу, и запах в закусочной начал меняться. Он переставал быть запахом. Он становился звуком.

- Что случилось, мистер? - Голос официантки прозвучал резко, почти испуганно.

Торн моргнул, и мир вокруг него дёрнулся, как плёнка в старом кинопроекторе, на мгновение смазавшись в белые полосы. Он стоял, и капли кофе ударялись о пол, стекая со стола.

Он перевёл взгляд на Джули. Она уже не стояла неподвижно, как манекен. Она сделала шаг к нему, и в её глазах читалось искреннее беспокойство - нахмуренные брови, чуть приоткрытые губы, рука, протянутая к нему, но застывшая в воздухе, как будто она боялась прикоснуться. Она была живой. Настоящей. И она смотрела на него так, как смотрит человек, который только что увидел призрака.

В зале воцарилась тишина. Мужчина у окна оторвал взгляд от своих часов и теперь смотрел на Элиаса с открытым интересом. Молодёжь за средним столиком замолчала на полуслове - один из парней обернулся, его лицо выражало смесь удивления и смущения, будто он не знал, стоит ли смеяться дальше или всё же предложить помощь. Девушка в оранжевом свитере убрала соломинку изо рта, и на её лице застыло выражение лёгкой тревоги, как у человека, который не понимает, что происходит, но чувствует, что что-то не так.

Тишина длилась всего несколько секунд, но Торну она показалась вечностью. Он чувствовал на себе их взгляды - шесть пар глаз, устремлённых на него, на его дрожащие руки, на его бледное, покрытое испариной лицо. И в этой тишине он вдруг отчётливо осознал, что никакого пульсирующего шума и запаха нет. Только его собственное сердце, которое колотилось где-то в горле.

- Всё в порядке, - сказал он, и голос его прозвучал слабо и хрипло, как у человека, который долго не пил воды. Откашлявшись, он прочистил горло и повторил уже твёрже, почти убедительно:

- Простите. Всё в порядке. Я просто... задумался. Чёртов кофе. Горячий. Простите...

Он выдавил из себя улыбку, но она вышла кривой и неестественной, как маска, натянутая на лицо, которое не хотело улыбаться. Элиас полез в карман, достал бумажник, вытащил из него мятую купюру и положил на стол, рядом с лужицей кофе.

- Сдачи не надо, - добавил он, не глядя на официантку. - Прошу прощения за беспорядок... Прошу прощения.

Он повернулся и пошёл к выходу, чувствуя взгляды недоумения на своей спине. Каждый шаг давался с трудом - ноги были ватными, колени подгибались, но он не обернулся. Он знал: если он обернётся, он увидит в их глазах не сочувствие, а что-то другое. Может быть, недопонимание. Может быть, тревогу. Вполне возможно, издевательскую улыбку на лицах

молодых людей.

Стеклянная дверь снова звякнула колокольчиком. Ночной воздух был сладок как никогда. Холодный, чистый, с примесью бензина и асфальтовой пыли. Торн вдохнул его полной грудью, и лёгкие наконец-то расправились, но где-то на дне, в самых альвеолах, всё ещё чувствовалась та липкая сладость - ввевшаяся, не выдыхаемая, как пятно на ковре, которое уже не оттереть.

Он прислонился к капоту «Де Сото», достал из пиджака помятую пачку сигарет и позолоченную зажигалку. Втянул дым, и едкий табачный вкус на мгновение перебил тот, другой. Сигарета дрожала в его пальцах, и он смотрел на неё, на красную точку, которая пульсировала в такт его сердцу, и в этом пульсе ему снова почудился тот ритм.

- Это был просто нервный срыв, - прошептал он в пустоту.
- Переутомление. Ты нормально не спал двое суток, много пил и у тебя разыгралось воображение, только и всего. Тем более... О боже, Джеймс...

Элиас вздохнул. Слова не имели веса. К горлу подступала давящая боль. Он затушил окурок о подошву ботинка, открыл дверцу машины и сел за руль. Салон всё ещё хранил запах особняка, но теперь он казался слабее, разбавленный свежим ветром, который ворвался через приоткрытое окно. Он завёл двигатель, включил фары и выехал с парковки.

Закусочная исчезла в зеркале заднего вида - яркое пятно неона, которое становилось всё меньше и меньше, пока не

растворилось в темноте. Дорога впереди была пустой, лишь редкие фары встречных машин прорезали ночь, и каждый раз, когда свет приближался, Торн на мгновение зажмурился, боясь увидеть в нём отражение того, что стояло на пороге особняка.

Он ехал молча, сжимая руль так сильно, что костяшки побелели. Мысли были липкой субстанцией, перемешавшей все воедино. Он пытался проанализировать произошедшее, разложить по полочкам: записка, шум, боль в груди, галлюцинации в закусочной. Всё это имело объяснение. Или почти всё. Но одно не укладывалось в рамки здравого смысла.

Джеймс Мейер.

Элиас сжал руль так сильно, что пальцы онемели. Имя пациента, который стал ему другом. Стройный мужчина с серебристой сединой и тонкими, длинными пальцами пианиста - пальцами, которые, как любил говорить сам Джеймс, «знали клавиши лучше, чем лица людей». Он всегда приходил в твидовом пиджаке с кожаными заплатками на локтях, всегда с лёгкой, печальной улыбкой, которая появлялась на его лице, когда он садился в кресло напротив.

Четыре года. Сорок восемь сеансов. Каждый месяц, как по расписанию, в четыре часа дня, без опозданий, без переносов.

Джеймс был композитором с большой буквы. Его симфонии исполняли лучшие оркестры, его концерты собирали

полные залы, а критики называли его «*архитектором звуковых соборов*». Он сделал на своей музыке целое состояние - особняк Мейерсхилл, как он сам его назвал, старые картины, редчайшие партитуры в кожаных переплётах.

Но, при всей своей славе, Джеймс оставался затворником. Он не давал интервью, не появлялся на светских мероприятиях, а его редкие выступления всегда сопровождались одним условием: зал должен быть погружён в полумрак, а роль стоять так, публика не видела его лица.

- Музыка должна быть безличной, - говорил он Торну. - Зрители слышат не меня. Они слышат то, что идёт из щелей между нотами. И иногда мне кажется, что эти щели - единственное, что реально.

Торн тогда думал, что это просто поэтическая метафора. Гениальность всегда граничит с эксцентричностью, а Джеймс был гениален - это не подлежало сомнению.

Но с каждым сеансом, с каждым месяцем, Торн начал видеть то, что не хотел замечать. Джеймс увядал. Не физически - он всё так же был подтянут, одежда сидела на нём идеально, руки оставались твёрдыми и точными. Увядал он внутренне. Его глаза теряли блеск, его голос становился тише, и в нём появлялась странная, надтреснутая нота, как у старой виниловой пластинки, которую проигрывают слишком часто.

Его мысли становились более абстрактными. Сначала это были просто философские размышления о природе звука, о том, как тишина между нотами может быть громче самих

нот. Торн воспринимал это как часть творческого процесса. Но потом абстракция начала приобретать тревожные формы.

- Элиас, - сказал Джеймс полгода назад, наклонившись вперёд так, что его лицо оказалось всего в футах от лица Торна. - Ты когда-нибудь слышал, как звучит тело? Не сердце, не лёгкие. Я говорю о плоти. О том, как она вибрирует, когда через неё проходят звуковые волны. Я начал слышать это. Сначала только ночью, когда дом затихал. А теперь я слышу это всегда. Мой дом, он... он поёт. И он поёт не для меня.

Торн тогда вежливо кивнул и записал в блокноте: *«склонность к метафизическим обобщениям, возможно, компенсаторный механизм одиночества»*. Теперь это слово - *«компенсаторный»* - жгло его, как клеймо.

Несколько месяцев назад Джеймс пришёл без своего любимого твидового пиджака. Он был в простой тёмной рубашке, и его пальцы - эти великолепные, точные пальцы - постоянно дёргались, как будто они играли беззвучную, бесконечную композицию на его собственных коленях.

- Я перестал сочинять, - сказал он тихо. - Я просто записываю.

- Что записываешь? - спросил Элиас.

- Шум, - ответил Джеймс, и его улыбка стала шире, но в ней не было радости. - Я сижу с партитурой и записываю то, что слышу. Но я не узнаю эту музыку. Она не моя. Она...

приходит откуда-то из-под дома. Из-под фундамента. Элиас, я боюсь, что она пишет себя сама, а я лишь рука, которой она пользуется.

Торн тогда прописал ему успокоительные и посоветовал взять отпуск. Джеймс отрицательно покачал головой.

- Я не могу уехать, - прошептал он. - Она не позволит.

- Кто она? - спросил Торн, уже готовый записать новую диагностическую заметку.

Джеймс посмотрел на него пустым взглядом и ответил:

- Истинная Муза, Элиас. Тишина и Шум. Грация и Похоть. Красота и коварство...

Торн списал это на прогрессирующую паранойю на фоне изоляции и творческого кризиса. Он был терапевтом с двадцатичетырёхлетним стажем, он видел сотни подобных случаев. Гениальные люди всегда больше других страдают от внутренней пустоты, они создают монстров, чтобы заполнить вакуум.

Он назначил более сильные препараты, сказал Джеймсу, что всё будет хорошо и отпустил его.

Два месяца назад Джеймс выглядел ещё хуже. Его лицо было серым, а глаза смотрели в одну точку, как у человека, который видит что-то за спиной собеседника.

Он говорил о запахах: плесени, которую не удаётся вывести, о запахе мёда, который появляется из ниоткуда, о запахе

лекарств, которые он не принимал.

Его речь была связной, но содержание было безумным. И Элиас, профессиональный диагност, вместо того чтобы копнуть глубже, вместо того чтобы спросить: *«Джеймс, ты действительно веришь в то, что говоришь?»*, он просто сделал пометку: *«усиление сенсорной гиперчувствительности возможное начало шизофренического спектра»*.

И он не приехал к нему. Он не приехал, потому что Джеймс был другом, а друзей не лечат так же, как пациентов. Другьям позволяют быть странными. Другьям прощают абстракции.

Месяц назад. Последний раз.

Торн закрыл глаза и попытался восстановить ту встречу в деталях.

Джеймс сел в кресло, но не снял пальто. На этот раз оно было чёрным, будто траурным, и Джеймс кутался в него, как в кокон. Под глазами залегли тёмные круги, словно он не спал несколько ночей подряд. Он говорил медленно, с длинными паузами, и Элиас заметил, что его руки дрожат настолько сильно, что чай из чашки маленькими волнами моментально расплёскивался на блюде.

- Элиас, - сказал Джеймс, и его голос был едва слышен, - я чувствую, что происходит что-то ужасное. Это связано с моей симфонией. Я постоянно слышу шум, который перерастает в голос. И ему нужно, чтобы я остался. Он выбрал меня,

потому что я слышу. Я всегда слишком хорошо слышал. Я слышал то, что не должно быть слышно. И теперь он хочет, чтобы я продолжал писать музыку. Не свою. Его.

Торн тогда улыбнулся профессиональной, ободряющей улыбкой, которую он репетировал перед зеркалом уже почти три десятка лет. Он положил руку на плечо Джеймса и сказал фразу, которую повторял тысячу раз:

«Это просто тревога. Ты в безопасности. Ты контролируешь свою жизнь. Мы найдём источник твоего беспокойства, и мы его устраним».

И Джеймс посмотрел на него. В его глазах, в тот момент, было выражение, которое Торн никогда не видел у своих пациентов. Это было не отчаяние. Это было знание - чистое, прозрачное, как ледяная вода, и такое же холодное.

- Элиас, - сказал он тихо, почти шёпотом, - Я боюсь, что однажды не смогу выйти из дома. Что он удержит меня. И когда это случится... ты не узнаешь меня. Ты услышишь мою музыку и подумаешь, что это я. Но это буду не я. Но, все же, я не могу упустить такой шанс. Шанс истиной красоты и самого гениального произведения, что когда-либо я извергал из своей души.

Торн тогда улыбнулся, чтобы разрядить обстановку, чтобы вернуть Джеймса в реальность. Он перевёл разговор на его последние композиции, на то, как продвигается работа, и Джеймс механически ответил, что *«работа идёт, но записывает он уже не то, что хотел».*

Они попрощались, и Джеймс ушёл, с той же печальной улыбкой, но в ней, как теперь понимал Торн, был оттенок прощания.

- Ты не узнаешь меня, - прошептал Элиас вслух, повторяя слова Джеймса. - Ты услышишь мою музыку и подумаешь, что это я. Но это буду не я.

Он ударил ладонью по рулю, и резкий звук вырвал его из транса на секунду.

- Идиот! - выкрикнул он, и голос его сорвался на хрип. - Ты терапевт с огромным стажем! Ты видел сотни случаев! Ты знаешь симптомы! Ты должен был понять, что это не метафоры! Он говорил тебе прямо! Он говорил, что он слышит голос! Что кто-то заставляет его писать музыку! А ты... ты списал это на паранойю!

Джеймс пропустил сеанс терапии. Это было не похоже на него. Ранее случались переносы сеансов, но он предупреждал заранее. В этот же раз не было ни звонка, не намека на неотложные дела. На звонки Джеймс также не отвечал.

Прошел день. За ним второй. И так дни сменяли друг друга, подкрепляя тревожность Элиаса за своего товарища.

Сегодня наступил шестой день молчания. Торн больше не мог списывать все на занятость Джеймса. Он больше не думал о том, что может его потревожить своим визитом в

неподходящий момент, перебив тем самым вдохновение маэстро.

Элиас добрался до особняка Мейерсхилл ближе к вечеру. Он сразу почувствовал, что что-то не так. Постучавшись и простояв у закрытой двери больше пяти минут, Элиас решил самостоятельно войти внутрь. Благо, Джеймс ранее рассказал ему, где находился запасной ключ, ссылаясь на свой возраст и здоровье, - мало ли, что может случиться. Ключ лежал под третьим камнем у крыльца. Он нагнулся, поднял камень, и ключ оказался ровно там, где и должен был быть.

Открыв дверь и войдя внутрь особняка, Элиас почувствовал резкий запах. Тот же запах, который теперь преследует его. В особняке стояла мертвая тишина. Торн прокричал имя Джеймса, но ответа не последовало. Он обошел весь первый этаж. Осмотрел каждую комнату, кроме подвала, так как дверь в него была заперта. С каждой минутой тревога становилась всё сильнее. И она была не напрасна.

Поднявшись на второй этаж и пройдя к двери кабинета, Торн попытался ее открыть. Она не поддавалась. Он словно чувствовал, что Джеймс был именно там. Быстро просмотрев находящиеся рядом комнаты и убедившись, что они пусты, Элиас вновь вернулся к двери кабинета. Чуть отойдя и разбежавшись, он всей силой приложился к ней плечом. Следом повторил то же действие. И вновь. И снова. Дверь распахнулась от изнурительных ударов, сломав замок.

Джеймс сидел неподвижно в своем кресле с высокой спинкой, опрокинувшись верхом тела на письменный стол из чёрного дуба. Его лицо находилось в луже собственной полупрозрачной рвоты, которая покрывала часть рядом лежавшей предсмертной записки и походила больше на сгусток слюны, чем на содержимое желудка.

Элиаса обхватил ужас от увиденного. В глубине души он был готов обнаружить бездыханное тело Джеймса, но точно не таким образом. Это был отвратительный финал для такого выдающегося человека.

Спустя некоторое время, приехала полиция, чтобы зафиксировать смерть.

Элиас думал, что это будет конец истории. Но это было только начало.

Он не заметил неладного, потому что не хотел замечать. Потому что Джеймс был не просто пациентом. Джеймс был последним и единственным звеном, связывающим его с тем миром, где он был не диагностом, а обычным живым человеком.

Они пили виски на дружеских вечерах, когда у Элиаса не было приёмов. Они обсуждали философию, искусство, психологию, политику. Обсуждали детища Франца Кафки и Жана-Поль Сартра. Они слушали записи Джеймса, кото-

рые казались Торну гениальными, хоть и порой мрачными, меланхоличными, но, безусловно, красивыми, хотя теперь, оглядываясь назад, он понимал, что в них была неправильная гармония. Диссонансы, который он принимал за новаторство.

А может он и вовсе видел в Джеймсе «обычную» обсессивность или же девиантность, ссылаясь на банальное *«Ведь люди искусства все немного не в себе»*, особенно взирая на такие условия, при которых творил Джеймс. Порой он мог по неделям, закрывшись у себя в кабинете, зачитываться мрачной литературой, только лишь для того, чтобы вдохновиться эстетикой декаданса и меланхолии, чтобы воплотить слияния этих чувств в его новую симфонию.

Глаза Элиаса расширились. Он машинально положил ладонь на левую сторону груди, туда, где пульсировала боль. И в этот момент он почувствовал это. Под пальцами, под кожей, под рёбрами - лёгкое, почти неуловимое движение. Как будто внутри него кто-то перевернулся во сне.

Торн вдавил педаль газа до упора, вжимаясь в спинку сиденья. Ему нужно было домой. Туда, где светло, где есть телефон, где он сможет позвонить своему старому коллеге-психиатру, который развеет этот кошмар одним профессиональным диагнозом. *«У каждого стоящего психиатра должен быть свой психиатр»*. Но в глубине сознания он уже знал: хоть и с мистером Фаулзом, его психиатром, будет ана-

лиз по всем правилам без дружеского снисхождения, этот разговор ему всё равно не поможет. Потому что то, что теперь находится внутри него, таблетками не лечится.

Он мчался по пустой дороге, стараясь как можно скорее оказаться дома, но с каждой милей шум в его затылке становился громче. Он больше не пытался отрицать его. Он просто слушал, как ритм набирает обороты, и его собственное сердцебиение подстраивалось под него, как ведомый под ведущего.

Дом был уже близко. За поворотом, через лесополосу, горели огни пригорода.

Лейквуд встречал его влажным, тяжёлым воздухом, который пах рекой и прелыми листьями. Стоял март - месяц, когда старые дома начинали дышать особенно отчётливо, когда трещины в фундаменте расширялись от сырости, а половицы стонали под ногами, как живые существа. Торн свернул на улицу Хэвенвуд, где деревья стояли в ряд, как часовые, и их голые ветви тянулись к небу, словно пальцы утопленников.

Его дом по адресу Хэвенвуд 45 был двухэтажным, колониального стиля, покрашенный в бледно-серый цвет, который когда-то казался ему элегантным, а теперь напоминал цвет старого выцветшего савана. Белые ставни нуждались в покраске, и Торн уже три года обещал себе заняться этим, но руки никогда не доходили. Крыша была покрыта тёмной черепицей, на которой местами пророс мох - зелёный, влажный, словно ранняя плесень на хлебе.

К дому вела каменная дорожка, выложенная неровными плитами, между которыми пробивалась трава - упрямая, живучая, как та мысль, что не давала ему покоя. Перед крыльцом рос старый северный красный дуб. Его ветви нависали над крышей, и в ветреные ночи они скребли по черепице, создавая тот самый звук, который Элиас порой принимал за

шаги.

Он заглушил двигатель, и тишина опустилась на него, как одеяло, пропитанное сыростью.

Машина стояла на подъездной дорожке, и фары выхватывали из темноты фасад дома. Верхние окна были тёмными, пустыми - как глазницы черепа. Нижнее окно гостиной отражало свет луны, и в этом отражении Торн на мгновение увидел силуэт. Свой собственный. Он вздрогнул, прежде чем понял это.

- Ты просто устал, - сказал он себе и вышел из машины.

Ключ повернулся в замке с привычным, успокаивающим щелчком. Торн перешагнул порог, и запах его собственного дома ударил в нос - сухие книги, старая мебель, затхлость давно непроветриваемого помещения. Но под этим запахом, на самом дне, он всё ещё чувствовал его. Тот другой запах. Из особняка. Из записки. Изнутри.

Он закрыл дверь и запер её на два замка, как делал каждую ночь с тех пор, как Элеонора ушла.

Прихожая была небольшой, с вешалкой для пальто и старым зеркалом в резной раме. Элиас повесил пиджак - тот самый, в кармане которого лежала записка - и на мгновение задержался перед зеркалом. Его отражение смотрело на него с пугающей серьёзностью: лицо бледное, глаза красные от

бессонницы, под ними залегли серые тени. Он провёл рукой по щеке, и в этом движении не было ничего, кроме машинальности. Он выглядел на десять лет старше, чем был на самом деле.

Из прихожей открывался вид на гостиную. Просторная комната с высоким потолком и камином из красного кирпича, который не топили уже больше года. Диван, обитый выцветшим зелёным вельветом, стоял перед камином - на нём лежал плед, который Элеонора когда-то связала своими руками. Торн не убрал его. Он не мог.

Книжные стеллажи занимали всю стену слева - тысячи томов, от медицинских учебников до старых романов, которые он собирал ещё в университете. На полу лежал ковёр с восточным узором - когда-то ярким, а теперь выцветшим до серо-бордовых оттенков.

В углу стоял маленький столик, на котором располагались телефон, канцелярия и старый граммофон - подарок Джеймса. Рядом с граммофоном лежала стопка пластинок, и верхняя была с надписью: «Симфония №7. Дж. Мейер. Запись 1959». Торн перевёл взгляд на телефон и лежавшую рядом с ним открытую маленькую записную книжку, в которой были записаны номера телефонов.

Посмотрев в сторону настенных часов, Элиас проговорил про себя: *«В любое время, мой верный соратник. В любое время...»* и набрал номер телефона Мистера Фаулза.

Гудки. Нет ответа.

Кухня была маленькой, с деревянными шкафчиками, которые когда-то были белыми, а теперь пожелтели от времени. На столе стояла пустая бутылка виски - вчерашняя. Рядом с ней лежала раскрытая книга по психиатрии, которую Торн читал перед сном, пытаясь отвлечься. Он выдвинул ящик, достал наполовину пустую бутылку «Jim Beam» и наполнил алкоголем грязный стакан, который так и стоял на мойке со вчерашнего дня.

Он поднялся на второй этаж по скрипучей лестнице, придерживаясь за перила. Каждая ступенька знала его шаги. Каждая из них напоминала ему о тех ночах, когда он и Элеонора поднимались наверх вместе - она впереди, он сзади, её рука в его руке. Теперь ступеньки скрипели только под ним, и этот звук был одиноким, как кашель в пустом зале.

На втором этаже было три комнаты. Кабинет, где он работал и спал один. Комната, которая когда-то была кабинетом Элеоноры, а теперь стояла пустая, с занавешенной мебелью. И спальня, которую он теперь использовал как склад воспоминаний.

Коридор был узким, с тёмными обоями в цветочек - Элеонора выбрала их, а Элиас не стал спорить. Теперь он ненавидел эти цветы. Они напоминали ему о том, как она стояла здесь, с рулоном обоев в руках, и говорила: «Элиас, мне ка-

жется, этот дом слишком большой для нас двоих». Она мило улыбалась.

Торн вошёл в свой кабинет, не включая свет. Лунные лучи проникали через неплотно задёрнутые шторы и падали на диван. Он сел на его край, снял ботинки и откинулся на подушку. Он взял стакан с виски, который принёс с собой и сделал большой глоток. Жидкость обожгла горло, и на мгновение он почувствовал себя живым.

Он лежал и смотрел в потолок, где играли тени от деревьев за окном. Мысли не отпускали его. Они кружились в его голове, как мухи над падалью. Джеймс, Элеонора, особняк, записка, шум в затылке. Боль в груди. Запах. И снова Джеймс. Джеймс, который предупреждал его, который кричал ему в лицо, а он, доктор Торн с двадцатичетырёхлетним стажем, улыбался и выписывал рецепты на лекарства.

Четыре года назад.

Элеонора стояла на пороге этой же комнаты, с чемоданом в руке, и смотрела на него своими зелёными глазами - уставшими, как у человека, который видел слишком много.

- Я больше не могу, Элиас, - сказала она тогда, и голос её был ровным, без слёз, - Ты превратил мою жизнь в один сплошной мрак. Каждый раз, когда я пытаюсь сказать тебе, что чувствую, ты либо говоришь, что все нормально, либо

начинаешь анализировать меня, как будто я одна из твоих пациентов. Но я не пациентка. Я твоя жена. Порой у меня ощущение, что ты относишься к чужим тебе людям трепетнее и внимательнее, чем ко мне. Я завидую. Мне больно.

Он помнил, как стоял тогда в центре этой же самой комнаты и держал в руках папку с её медицинской историей. Он помнил, как пытался убедить её пройти ещё один тест, ещё одну диагностическую беседу, потому что «её состояние требовало наблюдения».

- Ты не сходишь с ума, дорогая, - сказал он тогда, - но твои симптомы указывают на... - он замялся, подбирая слова, - на диссоциативное расстройство. Это поправимо. Мне просто нужно больше данных.

Она рассмеялась тогда. Смех её был сухим, горьким, как пепел.

- Больше данных? - повторила она, и в голосе её послышалась такая боль, что Торн должен был услышать её. Но он не услышал. - Элиас, я не диссоциирую. Я чувствую реальность. Я чувствую, что в этом доме есть кто-то, кого ты отказываешься видеть. И этот кто-то - я. И вместо того, чтобы спросить меня, что я чувствую, что у меня случилось, да банально «Как прошел день, дорогая?», ты говоришь мне «Все в порядке, не мешай, поговорим позже». А на плохое самочувствие ты назначаешь мне анализы, будто я подопытный кролик. Но я не твой пациент. И я никогда ей не была.

Он тогда протянул к ней руки, хотел обнять её, сказать,

что всё будет хорошо. Но она отшатнулась. В её глазах был страх. Не тот страх, который он диагностировал как паранойю. Другой. Страх перед ним. Перед тем, как он снова превратит её в случай из учебника.

- Ты боишься, что я права, - сказала она тихо. - Что если я не больна, то весь твой мир - это карточный домик. И ты сжигаешь меня, чтобы не дать ему рухнуть.

Она ушла. И он остался один в этом огромном доме, где каждый уголок напоминал о ней - о её духах, о её смехе, о том, как она прятала записки по всему дому с фразами: «Я жду на кухне», «Посмотри под кроватью», «Слишком холодно, продолжай искать», «Еще чуть-чуть и ты получишь свой подарок», и как в конце этой игры он непременно находил Элеонору в разных местах дома в её прозрачной ночнушке, которая неохотно скрывала ее обнаженное тело.

Торн вновь налил себе виски и сделал ещё один глоток. Бутылка была практически пуста. Часы на тумбочке показывали половину второго ночи. Он должен был уснуть. В восемь утра у него был первый пациент - миссис Хартли, пожилая женщина с тревожным расстройством. Ему нужно было обязательно быть в форме, собранным и с ясным умом. Но он не мог уснуть.

Мысли метались, как пчёлы в улье, который кто-то потревожил. Он перебирал в голове каждую встречу с Джеймсом, каждое слово, каждый жест. Он пытался найти тот момент,

где он мог бы всё исправить. Но момента не находил.

Виски начинал действовать. Тяжесть разливалась по телу, веки становились свинцовыми. Элиас закрыл глаза, надеясь, что алкоголь, наконец, сделает своё дело - выключит его сознание, как лампу, чтобы он мог хотя бы несколько часов не думать, не чувствовать, не слышать тот шум...

...И в этот момент он услышал шаги. Тихие, осторожные, монотонные. На первом этаже. Словно кто-то шагал в такт и хотел, чтобы его услышали.

Торн замер, открыв глаза. Сердце пропустило удар. Он лежал неподвижно, прислушиваясь к тишине, которая стала такой плотной, что её можно было резать ножом. И снова - скрип. Теперь в комнате Элеоноры, которая была заперта и пуста уже четыре года. Шаги были такими знакомыми. Такими... человеческими.

- Это дерево, - прошептал он дрожащими губами. - Это дуб. Ветки скребут по крыше.

Но он знал, что это не ветки. Ветки скребли, царапали, они были резкими и хаотичными. Эти шаги были иными. Они были размеренными, и в них была некая цель. Как будто кто-то расхаживал по пустой комнате, ожидая чего-то.

Торн медленно сел на край дивана. Стакан виски выпал из его руки, покатился по полу, но он не обратил на это никакого внимания. Его взгляд был прикован к полуоткрытой двери его кабинета.

Шаги продолжались - скрип, пауза, скрип, пауза. Они дви-

гались от окна к двери и обратно. Кто-то ходил по соседней комнате его бывшей жены.

- Ты пьян, - сказал он себе, но голос его был слишком высоким, слишком тонким. - Ты просто пьян. Это игра воображения. Ты устал. Ты...

Он не договорил. Потому что шаги остановились. И наступила та тишина, которая была хуже любых звуков.

Торн смотрел вдаль темной щели между дверью и стеной, и вдруг ему показалось, что он видит что-то в центре этой темноты. Тёмное пятно. Оно становилось больше. Или это игра света? Или луна? Или...

Он сглотнул. Ком в горле был сухим, острым, как осколок стекла.

- Элеонора? - прошептал он, не понимая, зачем произносит её имя. - Это ты?

Ответа не было. Но шаги начались снова. Теперь они спустились по лестнице. Медленно. Тяжело. Одна ступенька за другой.

Сердце колотилось где-то в горле, боль в груди вспыхнула с новой силой. Он подошёл к двери и схватился за косяк, всматриваясь в темноту коридора. Шаги отдалялись. Скрип, пауза, скрип - уже на первом этаже. Ужас, липкий и холодный, разливался по его венам, смешиваясь с виски. Он должен был посмотреть. Он должен был убедиться, что там никого нет. Но его ноги не слушались.

Шаги затихли. Тишина снова опустилась на дом. Но теперь она была другой. Она была живой.

Торн стоял в дверях своего кабинета и смотрел в темноту коридора. И в этой темноте ему вновь почудился силуэт. Но в этот раз он был высокий, тонкий, почти прозрачный. С неестественно длинными руками.

Элиас резко закрыл дверь, повернул замок и привалился к ней спиной, сползая по деревянному полотну вниз. Виски не помог. Шум в затылке не стих. Он стал громче.

И в этом шуме он теперь отчётливо различал слова. Голос Джеймса. Или Элеоноры. Или его собственный.

«Слышишь?»

Он схватился за голову, зажмурился и посчитал про себя от одного до четырёх - вдох, от четырёх до восьми - выдох.

Вдруг резкий удар в дверь. Громкий и тяжелый.

Элиас вскочил и обернулся к закрытой двери. Сглотнул воздух. Медленно приблизился к двери и попытался услышать, что происходит за ней. Одновременно его охватывал и ужас, и интерес, но больше всего он боялся услышать дыхание по ту сторону двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.